

Наталья Тарасова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
nsova74@mail.ru

Natalia Tarasova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) of the RAS
nsova74@mail.ru

ТЕМА КАПИТАЛА В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
И ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ И ИСТОРИОСОФСКИЙ АСПЕКТЫ¹

THE THEME OF CAPITAL IN F. M. DOSTOEVSKY'S
NOVEL WORK AND JOURNALISM:
TEXTUAL AND HISTORIOSOPHICAL ASPECTS

В статье рассматривается одна из важнейших тем художественного и публицистического творчества Ф. М. Достоевского — тема капитала; определяются ее словарные и индивидуально-авторские значения, а также характер ее изображения и развития в различных произведениях автора, включая поздние романы и *Дневник писателя*. В контекст исследования включены не только печатные тексты, но и рукописи Достоевского, что позволяет рассмотреть тему в более широком контексте и уточнить понимание отдельных высказываний писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, *Преступление и наказание*, *Идиот*, *Подросток*, *Дневник писателя*, печатный текст, рукописный текст.

The article deals with one of the most important themes of Feodor Dostoevsky's artistic and journalistic work — the theme of a capital. Its dictionary and individual author's meanings are determined, as well as the nature of its representation in various works of the author, including late novels and *The Diary of a Writer*. The context of the study includes not only printed texts, but also Dostoevsky's manuscripts, which allows us to consider the topic in a broader context and clarify the understanding of individual statements of the writer.

Key words: Feodor Dostoevsky, *Crime and Punishment*, *Idiot*, *Adolescent*, *The Diary of a Writer*, printed text, handwritten text.

Тема капитала занимает одно из значимых мест в художественном и публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского. Слово «капитал»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90002.

встречается в текстах Достоевского уже начиная с 1840-х годов, то есть с первых его произведений, как в прямом, так и в переносном значениях:

- 1) Капитал как материальные ценности, являющиеся основой финансовой деятельности.
- 2) Капитал как нематериальная ценность, достижение интеллектуально-духовное (см.: Шведова 2011: 322).

В Словаре языка Достоевского описаны три значения слова «капитал»:

- 1) Значительное состояние, исчисляемое большой суммой денег; имущество, собственность кого-л.
- 2) Наличные деньги, значительная сумма денег.
- 3) О чем-л., представляющем ценность (подробнее, с примерами из произведений, см.: Цыб 2001: 186–189).

Характерные примеры, показывающие авторское восприятие семантики этого понятия, содержатся в *Петербургской летописи* — цикле фельетонов 1847 года. Ср. прямое значение: «Знаете ли, господа, сколько значит, в обширной столице нашей, человек, всегда имеющий у себя в запасе какую-нибудь новость, еще никому не известную, и сверх того обладающий талантом приятно ее рассказать? По-моему, он почти великий человек; и уж бесспорно, иметь в запасе новость лучше, чем иметь *капитал*» — и переносное: «Забывает да и не подозревает такой человек в своей полной невинности, что жизнь — целое искусство, что жить значит сделать художественное произведение из самого себя; что только при обобщенных интересах, в сочувствии к массе общества и к ее прямым непосредственным требованиям, а не в дремоте, не в равнодушии, от которого распадается масса, не в уединении может отшлифоваться в драгоценный, в неподдельный блестящий алмаз его клад, его *капитал*, его доброе сердце!» (Достоевский 1972–1990, 18: 18, 13–14, курсив мой. — Н. Т.).

В более позднем творчестве Достоевского, в том числе в романах, обнаруживается взаимодействие указанных значений по принципу противопоставления материального и духовного. Раскрытие темы капитала в художественном творчестве связано с образами героев поздних «идеологических» романов писателя. Имея литературных предвестников (например, *Скупой рыцарь* Пушкина) и будучи заявленной уже в ранних произведениях Достоевского, тема капитала получает развитие в *Преступлении и наказании* (1866) в образах Раскольникова и Лужина, в *Идиоте* (1868) в образах Птицына, Гани Иволгина, Рогожина, в *Подорожке* (1875) в образе Аркадия Долгорукого, обосновывающего «ротшильдовскую» идею накопления капитала как способ обрести власть и «уединенное и спокойное сознание силы» (Достоевский 1972–1990, 13: 74).

В *Преступлении и наказании* слово «капитал» звучит в диалоге Раскольникова с Настасьей:

«— Денег не платишь и с фатеры не сходишь. Известно, что надо.
 — Э, черта еще этого не доставало, — бормотал он, скрывая зубами, — нет, это мне теперь... некстати... Дура она, — прибавил он громко. — Я сегодня к ней зайду, поговорю.
 — Дура-то она дура, такая же, как и я, а ты что, умник, лежишь как мешок, ничего от тебя не видать? Прежде, говоришь, детей учить ходил, а теперь пошто ничего не делаешь?
 — Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников.
 — Что делаешь?
 — Работу...
 — Каку работу?
 — Думаю, — серьезно отвечал он помолчав.
 Настасья так и покати́лась со смеху. Она была из смешливых и, когда рассмешат, смеялась неслышно, колыхаясь и трясясь всем телом, до тех пор, что самой тошно уж становилось.
 — Денег-то много, что ль, надумал? — смогла она наконец выговорить.
 — Без сапог нельзя детей учить. Да и наплевать.
 — А ты в колодезь не плюй.
 — За детей медью платят. Что на копейки сделаешь? — продолжал он с неохотой, как бы отвечая собственным мыслям.
 — А тебе бы сразу весь *капитал*?
 Он странно посмотрел на нее.
 — Да, весь *капитал*, — твердо отвечал он помолчав.
 — Ну, ты помаленьку, а то испугаешь; страшно уж очинна. <...>» (Достоевский 2013–2020, 6: 27–28).

В этом романе «капитал» также, как и в других произведениях писателя, становится двойственной характеристикой. В случае с Раскольниковым мысли о «капитале» претворяются в теорию о двух разрядах людей, обыкновенных и необыкновенных (по точному выражению исследователя, ««Наполеон» восторжествовал над “Скупым Рыцарем”» — Мочульский 1947: 237), и приводят главного героя к двойному² убийству — «наибесполезнейшей», по мысли Раскольникова, процентщицы и случайно оказавшейся на месте убийства Лизаветы. Т. А. Касаткина напоминает о том, что деньги, которые зарабатывает Лизавета, вместе с деньгами ростовщицы Алены Ивановны, «назначены старухой в монастырь, т. е. <...> завещаны Господу», тогда как Раскольников, «недовольный миропорядком», решает «буквально отобрать у Господа “средства” и распорядиться ими по-своему» (Касаткина 2005: 245): «Старуха же уже сделала свое завещание, что известно было самой Лизавете, которой по завещанию не доставалось ни гроша, кроме движимости, стульев

² Если не тройному (убийству): в черновиках *Преступления и наказания* присутствует мотив беременности Лизаветы («— А ведь ее ж потрошили. На шестом месяце была. Мальчик. Мертвенький» — Достоевский 2013–2020: 7, 96), который остался и в первой (журнальной) публикации романа («— А, ведь, ребенок-то лекарский был! — таинственно сказала она, ступив шаг вперед и понизив голос» — Достоевский 2013–2020: 7, 369).

и прочего; деньги же все назначались в один монастырь в Н-й губернии, на вечный помин души» (Достоевский 2013–2020, 6: 58).

Во втором случае «капитал» становится частью характеристики Лужина из письма матери Раскольникову Пульхерии Александровны: «Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал» (Достоевский 2013–2020, 6: 33). Позднее «благонадежный» Лужин, заявляющий основой «экономической правды» принцип «возлюби прежде всех одного себя» (Достоевский 2013–2020, 6: 128) — антиномии христианской заповеди любви к ближнему, получает уничижительную характеристику Разумихина в диалоге с Дуней: «Вот и ваши нумера, и уж тем одним прав Родион, что давеча вашего Петра Петровича выгнал! Как он смел вас в такие нумера поместить? Это скандал! Знаете ли, кого сюда пускают? А ведь вы невеста! Вы невеста, да? Ну так я вам скажу, что ваш жених подлец после этого!» (Достоевский 2013–2020, 6: 178). Здесь понятие «капитал», используемое в прямом своем значении, указывает на систему ценностей, владеющую большинством героев *Преступления и наказания*, на власть денег, материального над духовным, однако на сюжетном уровне высвечивается неистинность этой установки.

Тема получает развитие в романе *Идиот*, где власть денег, богатства, принимает иной, новый оттенок — власти над миром. Еще на стадии ранних черновых набросков к роману формулируется идея капитала, которая связана вначале с образом главного героя: «Идиот говорит, смотрит и чувствует как властелин. Он уходит и шатается по Петербургу. У него много знакомых мест. Перекупщик, капитал. Миньона прячет и сторожит капитал. <...> В дождь, в холод, ночью, толкуют о золоте, о богатстве — Миньона хочет скорее быть скверной женщиной. Тот ее кормил, ей свои золотые планы показал» (Достоевский 2013–2020, 9: 113, 115). Эти заметки показывают, насколько образ Идиота в черновиках («Страсти у *идиота* сильные, потребность любви жгучая, гордость непомерная, из гордости хочет совладать с собой и победить себя. В унижениях находит наслаждение» — Достоевский 2013–2020, 9: 110) отличается от образа князя Мышкина в окончательном тексте. Тема капитала как способа овладеть миром в окончательном тексте отходит к Гане Иволгину: «Птицын семнадцати лет на улице спал, перочинными ножичками торговал и с копейки начал; теперь у него шестьдесят тысяч, да только после какой гимнастики! Вот эту-то я всю гимнастику и переискочу и прямо с капитала начну; чрез пятнадцать лет скажут: “Вот Иволгин, король Иудейский”. <...> Нажив деньги, знайте, — я буду человек в высшей степени оригинальный. Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что они даже таланты дают. И будут давать до скончания мира» (Достоевский 2013–2020, 8: 117). С темой богатства также связаны Птицын и Рогожин, наследник купеческих капиталов, она определяет самую

суть взаимоотношений в обществе, в котором судьба героини, Настасьи Филипповны, как и судьбы других героев (Гани Иволгина, сестер Епанчиных), становится предметом торговых сделок.

В этот же период, в конце 1860-х годов, Достоевский сочиняет замысел «*Одна мысль* (поэма)» (основанный на истории заточения и гибели императора Иоанна VI (Иоанна Антоновича) и оставшийся незавершенным), где эта тема власти над миром звучит в строках: «Наконец объявляет ему, что он Император, что ему всё возможно. Картины могущества (“оттого-то я так и почитителен перед вами; я вам не равен”). <...> Показывает Божий мир. “Всё твое, только захоти. Пойдем!”» (Достоевский 2013–2020, 9: 369–370, см. также коммент. на стр. 920–930). Окончательное же раскрытие она получает, как отмечено выше, в романе *Подросток* в образе Аркадия Долгорукого, который формулирует «свою идею» (устойчивое выражение, используемое героем): «Мне не нужно денег, или, лучше, мне не деньги нужны; даже и не могущество; мне нужно лишь то, что приобретается могуществом и чего никак нельзя приобрести без могущества: это уединенное и спокойное сознание силы! Вот самое полное определение свободы, над которым так бьется мир! Свобода! Я начертал наконец это великое слово...» (Достоевский 1972–1990, 13: 74; о «своей идее» подробно говорится в пятой главе первой части *Подростка* — Достоевский 1972–1990, 13: 66–81). Определение идеи — особый вопрос в рукописном тексте этого произведения. Черновые материалы отражают авторские попытки сформулировать идею романа и, в ее контексте, — идею героя:

«— Название романа “Безпорядок”».

— Вся идея романа — это провести, что теперь безпорядокъ всеобщій, безпорядокъ вездѣ и всюду, въ Обществѣ, въ дѣлахъ его, въ руководящихъ идеяхъ (которыхъ {по тому самому} нѣтъ), въ убѣжденіяхъ (которыхъ {по тому же} нѣтъ), въ разложеніи семейнаго начала. Если есть убѣжденія страстныя — то только разрушительныя (соціализмъ). {Нравственныхъ идей не имѣется, вдругъ ни одной не осталось, и главное, съ такимъ видомъ говорить ОНЪ [Подростокъ], что какъ будто ихъ никогда и не было}» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 93)³.

«{Идея} Подростокъ попадаетъ въ дѣйствительную жизнь изъ моря идеализма (своя идея). Всѣ элементы нашего общества обступили его разомъ. Своя идея не выдержала и разомъ поколебалась. Отъ того тоска. Но по мрачности и мизантропіи побѣжденнымъ себя не считаетъ, смотритъ свысока. Всѣхъ обвиняетъ, и рѣшается пойти противъ всѣхъ законовъ» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 170).

³ При цитировании рукописей в квадратных скобках приводится вычеркнутый Достоевским текст, в фигурных — вписанный. Восстановлены недостающие знаки препинания в тех случаях, когда это необходимо для понимания записи (запятые при однородных членах предложения, между простыми предложениями в составе сложного, при обращениях, вводных словах, в придаточных предложениях).

Как и в других случаях, «капитал» в представлениях героя обретает невещественный, метафизический смысл, и вместе с тем — получает, особенно на стадии черновиков, недвусмысленную оценку:

«Спасетъ себя только тотъ, кто смолоду выработалъ себѣ то сильное нравственное ощущеніе (чувство), которое называется убѣжденіемъ. Формула убѣжденія можетъ измѣниться съ жизнію, но нравственное ощущеніе этого чувства неизмѣнимо всю жизнь. Въ комъ есть это, тотъ уцѣлѣетъ. —

(Это могъ сказать ОНЪ подростку передъ самоубійствомъ.)» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 12. С. 71).

Характерно, что осознание духовной истины приходит в данном случае именно к скептику Версикову (черта и других героев-идеологов в романах Достоевского).

Семантика понятия «капитал» зависит от жанрово-стилистических характеристик текста. В публицистике Достоевского тема капитала предстает не только в контексте проблем духовной жизни человека и русского общества, но и с точки зрения историсофских идей писателя, которые находят отражение в том числе в его полемике со славянофилами и западниками. Так, в статье Достоевского «Два лагеря теоретиков: (По поводу “Дня” и кой-чего другого)» (1862), где обосновываются некоторые положения почвенничества (национальное единство, возвращение к «почве», единство с народом), речь заходит о крестьянской общине в ее сравнении с производственной ассоциацией (предметом интереса западноевропейских экономистов и историков): «...скептики забывают, что народ удержал до сих пор при всех неблагоприятных обстоятельствах, *общинный быт*, что, не зная начал западной ассоциации, он имел уже *артель*.

Западные публицисты после долгих поисков наконец остановились на ассоциации и в ней видят спасение труда от деспотизма капитала. Но в западной жизни это общинное начало еще не вошло в жизнь; ему ход будет только в будущем... На Руси оно существует уже как данное жизнью и ждет только благоприятных условий к своему большему развитию» (Достоевский 1972–1990, 20: 21, курсив автора). Вместе с тем, при смене жанровой и тематической направленности текста, понятие «капитал» сохраняет оценочные коннотации (в данном случае отрицательные), в том числе в художественно-публицистическом *Дневнике писателя* Достоевского (1873, 1876–1877, 1880, 1881):

«Возьмите опять наши железные дороги, сообразите наши пространства и нашу бедность; сравните наши капиталы с капиталами других великих держав и смекните: во что нам наша дорожная сеть, необходимая нам как великой державе, обойдется? <...> Мы уже и теперь больно чувствуем, во что нам обошлось лишь начало нашей сети; каким тяжелым

отвлечением капиталов в одну сторону ознаменовалось оно, в ущерб хотя бы бедному нашему земледелию и всякой другой промышленности» (*Дневник писателя* за 1873 г. — Достоевский 1972–1990, 21: 92–93).

«Прежний купец наш, несмотря на ту роль, которую уже повсеместно играл в Европе миллион и капитал, — имел у нас, говоря сравнительно, довольно невысокое место в общественной иерархии. Надо правду сказать — он и не стоил большего» (*Дневник писателя* за 1876 г. — Достоевский 1972–1990, 23: 157).

«“Интересы цивилизации” — это производство, это богатство, это спокойствие, нужное капиталу» (*Дневник писателя* за 1877 г. — Достоевский 1972–1990, 25: 48).

«Но о таких освобождениях что-то мало у нас было слышно, а гражданских воплей раздавалось довольно. “Среда, дескать, заедала, и как же де ему своего капиталу лишиться?” Да почему же не лишиться, когда уж до такой степени дело доходило от скорби по крестьянам, что на баррикады бежать приходилось?» (*Дневник писателя* за 1880 г. — Достоевский 1972–1990, 26: 158).

«Как сделать, чтоб дух народа, тоскующий и обеспокоенный повсеместно, ободрился и успокоился? Ведь даже самые капиталы и движение их нравственного спокойствия ищут, а без нравственного спокойствия или прячутся, или непроизводительны» (*Дневник писателя* за 1881 г. — Достоевский 1972–1990, 27: 20).

В ходе исследования *Дневника писателя* возникли уточнения к тексту, в отдельных случаях неверно прочитанному публикаторами. Имеются в виду записи к гл. 2 февральского выпуска *Дневника писателя* 1876 г., в которой повествуется о судебном деле Кронеберга, широко освещавшемся в газетной хронике. В этой главе Достоевский критикует процесс над Кронебергом (С. Л. Кроненбергом), обвиняемым в истязании дочери (см. подробнее: Достоевский 1972–1990, 22: 346): защитник подсудимого, адвокат В. Д. Спасович, в процессе судебного разбирательства пытался всячески опорочить девочку, чтобы оправдать действия ее отца, что вызвало крайнее неприятие со стороны Достоевского, в *Дневнике писателя* вынесшего нравственную оценку действиям адвоката. В записной тетради 1875–1876 гг., среди материалов о деле Кронеберга, находится красноречивая характеристика, данная Достоевским:

«— Въ народѣ адвокатъ нанятая совѣсть, т. е. подкупленная не одними деньгами, либерализмомъ, славой, поэзіей (лирствомъ)...» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 15. Л. 50 об.).

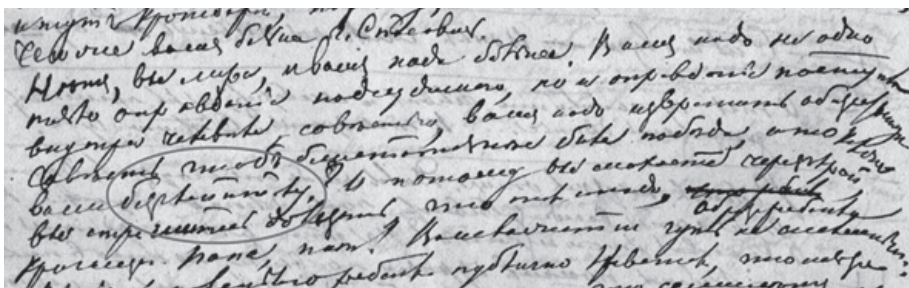
В рукописи *Дневника писателя* есть отрывок, который опубликован с ошибками.

ЛН: «Нет, вы лира, и вам надо больше. Вам надо не одно только оправдание подсудимого, но и оправдание поступка внутри человека совестью, вам надо извратить общественную совесть, чтоб блистательнее была по-

беда, а то как<ого> же вам без ней и толку?» (Литературное наследство 1971, 83: 424).

ПСС: «Нет, вы лира, и вам надо больше. Вам надо не одно только оправдание подсудимого, но и оправдание поступка внутри человека совестью, вам надо извратить общественную совесть, чтоб блистательнее была победа, а то как<ого> же вам без ней и толку?» (Достоевский 1972–1990, 24: 137).

В рукописи (приведем контекст): «Нѣтъ, вы лира, и вамъ надо больше. Вамъ надо не одно только оправданіе подсудимаго, но и оправданіе поступка внутри человѣка совѣстью, вамъ надо извратить общественную совѣсть, чтобъ блистательнѣе была побѣда, а то **какъ же вамъ безъ капиталу**? И потому вы махаете черезъ край, вы стремитесь доказать, что такъ и надо, [что ребенокъ] {образъ ребенка}, кричащаго “Папа, папа!”; Вамъ кажется чуть не смѣшнымъ. Вы на маленькаго ребенка публично клеветали, что нельзя не драть. Клеветали — потому что семи лѣтъ нельзя воровать деньги; сами говорите, что это отъ причинъ, отъ слугъ, отъ Комба, отъ Женева, отъ того что [Кронебергъ] отецъ по цѣлымъ днямъ не дома, и въ то же время утверждаете [что] дѣйствительно ребенокъ виновенъ и Кронебергъ правъ, воспылавъ гнѣвомъ. Вамъ истязаніе кажется добрымъ дѣломъ, не было, дескать, ничего. И изъ чего вы бьетесь, извращая совѣсть человѣка? Вѣдь вы и безъ того знаете, что кліентъ вашъ безответственъ, что, оказывается, истязаній (сломанной ноги, что ли) не было, что его не накажутъ, нѣтъ, вамъ надобно даже и жалость къ ребенку искоренить <...>» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 15. Л. 51 об.).

Как видим, публикаторы не разобрали в автографе Достоевского слово «капиталу». Чтение «какъ же вамъ безъ капиталу» аргументируется графическими признаками записи: в предлагаемом публикаторами слове «ней» начальная «н» не могла быть написана так, как в этой записи, — это буква «к» в одном из вариантов начертания, с верхним выносным штрихом; после «л» в предлагаемом публикаторами «толку» должно следовать «к», но оно отсутствует в записи Достоевского. Кроме того, чтение «какъ же вамъ безъ капиталу» подтверждается содержанием окончательного текста. В разделе «Нечто об адвокатах вообще» гл. 2 февральского выпуска *Дневника* за 1876 г. Достоевский рассказывает притчу о купце: «московский купчик» отправил свою мать в долговую

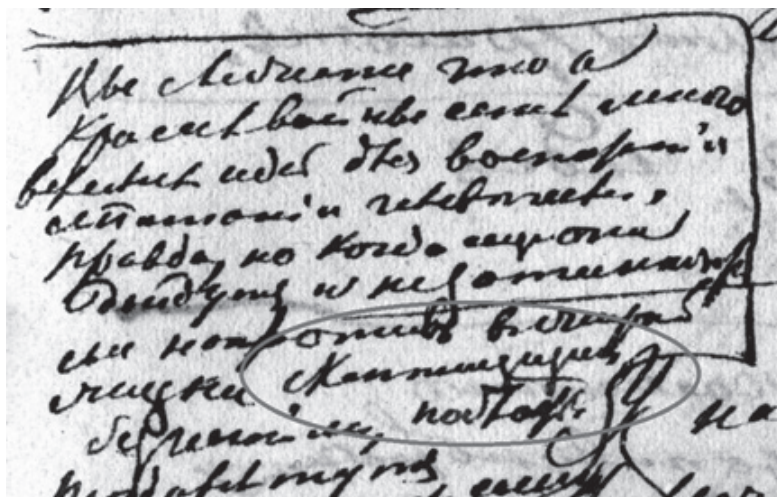
яму, отказавшись помочь ей решить возникшие финансовые проблемы, — «нам никак невозможно, чтобы самим без капиталу» (Достоевский 1972–1990, 22: 56). Писатель включает притчу о купце в контекст рассуждений о недостойном адвокатском фразерстве («лирстве»), имея в виду судебное дело Кронеберга: «Примите за аллегория и приравняйте талант к капиталу, что даже и похоже, и выйдет такая речь: “Это чтоб нам без блеску и эффекту, это нам никоим образом невозможно, потому как нам никак невозможно, чтобы нам совсем без блеску и эффекту”» (Достоевский 1972–1990, 22: 56). Здесь также, как и во многих других случаях, слово «капитал» указывает на авторские нравственные оценки сюжетов, представленных читателям *Дневника*.

Приведем еще один пример ошибочного чтения рукописного текста. В той же рабочей тетради есть запись, связанная с Восточным вопросом и апологией войны в *Дневнике писателя* 1876 г. (темы, мотивированные историческими событиями и общей тематикой прессы того времени, — близилась русско-турецкая война 1877–1878 г.).

ЛН: «Вы скажете, что и кроме войны есть много великих идей для воспитания и испытания человеческого. Правда, но когда еще они дойдут и не затемнятся ли, напротив, в мирной жизни с капитализацией, бесчестьем, подлостью» (*Литературное наследство* 1971: 83: 456).

ПСС: «Вы скажете, что и кроме войны есть много великих идей для воспитания и испытания человеческого. Правда, но когда еще они дойдут и не затемнятся ли, напротив, в мирной жизни с капитализацией, бесчестьем, подлостью» (Достоевский 1972–1990, 24: 176).

В автографе: «Вы скажете, что и кроме войны есть много великих идей для воспитания испытания <¿> человеческого. Правда, но когда еще они дойдут и не затемняются ли напротив в жирной жизни скептицизмомъ, безчестіемъ, подлостью» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 15. Л. 72).

На ошибку чтения «с капитализацией» указывает характер начертания слова: в записи нет признаков отдельных букв («и», «ал», «і», «ей»), которые имеются в данном выражении. Кроме того, к возникновению ошибки привела, видимо, так называемая «фразеологическая инерция», прочтение слова по ассоциации с установившимся рядом значений (что лишний раз подчеркивает значимость самой темы капитала в текстах Достоевского и укорененность ее в сознании читающего). Установленное чтение — «скептицизмомъ» — актуализирует одну из важнейших идей *Дневника писателя*, которая оказывается в общем контексте с темой власти капитала. В январском выпуске *Дневника* за 1876 г. Достоевский отмечает: «...что-то носится в воздухе полное материализма и скептицизма; началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно; убивают, чтобы вынуть хоть рубль из кармана» (Достоевский 1972–1990, 22: 31). Смысл понятия «скептицизм» раскрывают наброски к замыслу романа *Мечтатель* (1876–1877), где имеется следующая характеристика героя:

«— Онъ мечтатель, но не идеалистъ, а съ полнымъ скептицизмомъ.
— Если бъ вы знали какой я скептикъ.
— Онъ не знаетъ, религіозенъ ли онъ, но выдумалъ небо и вѣрить въ него — и тѣмъ утѣшаетъ себя въ недостаткѣ вѣры» (РГАЛИ. Ф. 212. 1. 16. С. 178).

Скептицизм, по убеждению Достоевского, сопровождается «недостатком веры», могущим привести к страшным последствиям, и здесь закономерно сочетание «скептик-мечтатель» — достаточно вспомнить слова закладчика из рассказа «Кроткая»: «В том-то и скверность, что я мечтатель» (§ I «Сон гордости» гл. 2, ноябрь); «мечтателей-социалистов и мечтателей-позитивистов, выставляющих вперед науку и ждущих от нее всего» (§ IV «Мечты о Европе» гл. 1, март); «мечтательных» теоретиков-западников (§ I «Застарелые люди» гл. 2, сентябрь). Даже заголовки указанных разделов *Дневника писателя* за 1876 г. составляют единый контекст, формирующий образ «мечтателя-скептика».

Таким образом, тема капитала в произведениях Достоевского предстает, прежде всего, в контексте духовном, становится средством изображения нравственных недугов человека и общества, а также и способом показать читателю истину, которая для автора заключается в вере, милосердии и любви.

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений*. В 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.
Достоевский Федор. *Полное собрание сочинений и писем*. В 35 т. Санкт-Петербург: Наука, 2013–2020. (Изд. продолжается.)

- Касаткина Татьяна. «Время, пространство, образ, имя, символика цвета, символическая деталь в “Преступлении и наказании”». Комментарий». Касаткина Т. А. (ред.). *Достоевский: дополнения к комментарию*. Москва: Наука, 2005: 236–269.
- Мочульский Константин. *Достоевский: Жизнь и творчество*. Paris: Ymca-Press, 1947.
- Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг.* Москва: Наука, 1971. (Серия Литературное наследство. Т. 83).
- Цыб Елена. «Капитал». Караулов Ю. Н. (ред.). *Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта*. Москва: «Азбуковник», 2001: 186–189.
- Шведова Наталия (ред.). *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов*. Москва: «Азбуковник», 2011.

LITERATURE

- Cyb Elena. «Kapital». Karaulov Yu. N. (red.). *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroj idiolekta*. Moskva: «Azbukovnik», 2001. S. 186–189.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij*. V 30 t. Leningrad: Nauka, 1972–1990.
- Dostoevskij Fedor. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem*. V 35 t. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013–2020.
- Kasatkina Tatyana. “Vremya, prostranstvo, obraz, imya, simbolika cveta, simbolicheskaya detal' v ‘Prestuplenii i nakazanii’”. Kommentarij”. Kasatkina T. (red.). *Dostoevskij: dopolneniya k kommentariyu*. Moskva: Nauka, 2005: 236–269.
- Mochul'skij K. konstantin. *Dostoevskij: Zhizn' i tvorchestvo*. Paris: Ymca-Press, 1947.
- Neizdannyy Dostoevskij. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.* Moskva: Nauka, 1971. (Seriya Literaturnoe nasledstvo. T. 83).
- Shvedova Nataliya (red.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proiskhozhdenii slov*. Moskva: «Azbukovnik», 2011.

Наталија Тарасова

ТЕМА КАПИТАЛА У РОМАНИМА И ПУБЛИЦИСТИЦИ Ф. М. ДОСТОЈЕВСКОГ: ТЕКСТОЛОШКИ И ИСТОРИОЗОФСКИ АСПЕКТИ

Резиме

У раду се разматра једна од најзначајних тема књижевног и публицистичког стваралаштва Ф. М. Достојевског — тема капитала. Одређују се њена речничка и индивидуално-ауторска значења, као и карактер њене обраде и развоја у различитим делима писца, укључујући позне романи и *Пишчев дневник*. У фокусу истраживања нису само штампана дела Достојевског, већ и његови рукописи, што даје могућност да се ова тема размотри у ширем контексту и да се прецизирају поједини пишчеви искази.

Кључне речи: Ф. М. Достојевски, Злочин и казна, Идиот, Младић, Пишчев дневник, штампани текст, рукописи.